

ЭММА РУДКЕВИЧ

Измена мужа.
Ты отдал любовнице
деньги на учёбу
нашей дочери!

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты отдал любовнице
деньги на учёбу нашей дочери!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты отдал любовнице деньги на учёбу нашей дочери!
/ Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я узнала об измене мужа по запаху чужих духов. А утром Дмитрий выгнал меня из собственного дома. Мои вещи лежали в мусорных мешках. А любовница уже распоряжалась нашей квартирой! Но хуже всего оказалось предательство детей. Дочь назвала меня тираном. Сын потребовал дорогой телефон за молчание. Они верили отцу. Не зная, что он украл деньги, отложенные на их будущее. Четыреста тысяч рублей из фонда образования дочери ушли его любовнице! А затем выяснилось, что Дмитрий продавал мои клиентские базы конкурентам. Он хотел оставить меня без семьи, дома и бизнеса. Но я найду каждого виновного. И на этот раз предателям придётся заплатить.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты отдал любовнице деньги на учёбу нашей дочери!

Глава 1

Скорее бы домой. Я следила за поворотами, стараясь не слушать, как Дмитрий храпит сзади. До машины он дошёл с моей помощью, теперь отсыпался, пока я вела. Кондиционер не справлялся с перегаром: в горле першило. Добавить воздуха? Уже потянулась к кнопке, когда почудились цветочные духи. Сначала решила, что пахнет от меня. Но мои так не пахнут.

«Chanel No 5». Ларисины. От неё в кабинете оставался такой запах, что я открывала окно, даже если было холодно. Вечером на фуршете она подходила с планшетом, встала плечом к плечу с Дмитрием. Я тогда отодвинулась. Неприятно вспоминать, с какой привычной улыбкой. Теперь сидела в водительском кресле, рядом никого, и духи всё равно были здесь. Источник храпел за моей спиной.

Меня затошнило. Руль стал скользким, и пришлось перехватить его покрепче, иначе машину повело бы к бордюру. Хотела обернуться, посмотреть на его пиджак — может, найду какое-нибудь простое объяснение? Вместо этого выключила кондиционер. Зря: без него запах стал заметнее. Ещё минуту назад меня занимала только кровать. Теперь я думала, как довезти Дмитрия и не высказать всё, пока он спит.

— М-м-ма... — бормотнул Дмитрий во сне. Голова мотнулась в сторону, щека прижалась к кожаному подголовнику. Из открытого рта вырвался хриплый звук. — Лара...

Лара. Он повторял его сквозь сон, будто ему нравилось даже произносить. Я посмотрела в зеркало: открытый рот, голова у подголовника, никакого беспокойства. Ему хорошо. Он положился на меня, как всегда: Вера довезёт, Вера разбудит, Вера поможет раздеться. От этой привычной, заранее выданной мне работы стало противнее, чем от перегара. Мне хотелось высадить его немедленно. Пришлось смотреть на дорогу — ещё поворот, и будем дома.

У дома остановилась у обочины. Фонарь над входом мигал: сколько раз уже обещали починить. Заглушила двигатель, выключила фары. Можно было подняться и сделать вид, что всё завтра. Но тогда я снова стала бы будить его, помогать вылезти, ждать лифт, тащить к кровати. Положила ладонь на дверную ручку и осталась сидеть. Сегодня я этого делать не буду. Пусть хотя бы один раз Дмитрий сам решит, как закончится его прекрасный вечер.

В кармане пальто завибрировал телефон. Марина. Она всегда звонила после таких корпоративов — проверить, добрались ли. Про Дмитрия у неё было одно определение: «не тянет уровень». Обычно я спорила. Сейчас посмотрела на спящего мужа в зеркало и даже заранее обиделась на подругу: скажет, что предупреждала. А мне нужно было, чтобы кто-нибудь приехал, не читал лекций и просто помог выйти из этой машины.

Я ответила. Голос Марины в трубке был сонным, но быстрым.

— Вер? Ты где? Уже три часа ночи. Дима трезвый?

— Трезвый? — переспросила я. На привычное «привет, Марин» не хватило сил. Говорила сразу о деле. — Марина, мне нужно, чтобы ты срочно подъехала сюда. У меня на пороге.

Пауза. Шорох простыней, звон стаканов.

— Что случилось? Вы поссорились? Он опять нажрался?

— Он заснул в машине, — сказала я, глядя через зеркало заднего вида на бесформенную массу Дмитрия. — Мне нужно, чтобы ты забрала его. Прямо сейчас.

— Забрала? Вера, ты шутишь? Я не могу просто так выехать в три ночи... И почему ты сама не довезла?

— Потому что я не хочу его видеть. Я хочу спать. Приезжай. Адрес в локации. Если не хочешь помощи другу семьи — считай, что помогаешь мне сохранить рассудок.

Отключилась раньше, чем Марина придумала новый вопрос. Держать телефон оказалось проще, чем разговаривать. В ушах стучало, и я всё время ловила себя на желании написать Дмитрию. Он лежал в метре от меня. И всё-таки написать казалось легче, чем повернуться к нему.

Марина подъехала минут через двадцать. Я увидела в зеркале её фары, а потом пуховик, наброшенный поверх домашнего. Из машины она выбралась с таким лицом, будто я вызвала её за ложной пожарной тревогой. Подошла и постучала по стеклу. Я успела отвернуться от Дмитрия, чтобы не начать оправдываться перед ней раньше, чем она спросит.

— Вера! Открой! Что вообще происходит? Где Дима?

Я шелкнула замком. Дверь открылась на пару сантиметров. Холодный воздух с улицы ворвался внутрь, смешавшись со сладким ядом духов.

— Задняя дверь. Снаружи. Не садись рядом с ним.

Марина уставилась на меня, потом перевела взгляд на салон. Она увидела Дмитрия, спящего с открытым ртом, и поморщилась.

— Господи, он правда пьян? Ты почему не разбудила? Мы можем отвезти его домой, он проспит...

— Нет, — перебила я жестко. — Ты заберешь его к себе. Или к себе в машину. Мне плевать. Главное — пусть сегодня не идёт со мной в квартиру.

Марина посмотрела на меня ещё раз и поняла, что торговаться бесполезно. Я прикрыла дверь. Она обошла «Мерседес», потянула Дмитрия за рукав, попыталась поставить его ноги на асфальт. Он снова осел на сиденье. Было бы смешно, если бы я не знала, как часто проделывала это сама. Пятнадцать лет любила человека, а сейчас следила за тем, чтобы его ботинки не поцарапали дверцу моей машины.

Дмитрий дернулся. Свет фар проезжающей мимо такси осветил его искаженное лицо. Он проснулся от холода и толчков.

— Чего... чего надо?! — рявкнул он, срываясь на фальцет. Его глаза были мутными, злыми. — Вера! Какого черта?! Почему ты не разбудила меня нормально? Почему эта дура на меня дышит?

Он попытался выбраться сам, но запутался в ремне безопасности. Нелепо дрыгал ногами, цеплялся за сиденье.

— Ты... ты специально? — выдохнул он, наконец высвобождая голову. Волосы торчали во все стороны, на губах следы еды. — Оставила меня тут как мусор?

Вышла из машины и скрестила руки, потому что девать их было некуда. Дмитрий ждал ответа. Я знала, какой ему нужен: длинный, с упрёками, чтобы можно было перебить и назвать меня истеричкой. Поэтому смотрела молча. Он обругал Марину, потом снова меня. Не помогло. Рот у него приоткрылся, и впервые за вечер он посмотрел мне в лицо, а не сквозь меня, как на водителя.

Наконец, он вывалился из машины на асфальт, чуть не упав. Марина помогла ему выпрямиться, бросая на меня осуждающие взгляды. Придерживала его за локоть и больше не пыталась меня уговаривать.

Дмитрий посмотрел на освещённое окно Кирилла. Пошёл к подъезду, будто Марина только помогла ему закончить дорогу домой. Я осталась возле машины. Пропусти его сейчас — и наверху всё начнётся заново: раздеться, воды, не шуми, дети спят. Поэтому окликнула раньше, чем открыл дверь.

— Куда ты идешь? — спросила я тихо.

Он обернулся и посмотрел так, будто я мешала пройти.

— Домой, Вера. Хватит истерик. Ты ведешь себя как сумасшедшая.

— Ключи у тебя есть, — сказала я, делая шаг назад, ближе к своему дому. — Но сегодня ты ночуешь там, где уснул. Или у Марины. Мне всё равно.

Дмитрий замер у двери подъезда, держась за ручку. Потянул ручку, не открывая дверь: видно, ждал, что я всё-таки уступлю.

— Ты не можешь меня выгнать. Это мой дом. Я купил эту квартиру.

— Ты купил её на деньги, которые мы заработали вместе. Но сегодня ты никто. Уходи.

Я развернулась и вошла в подъезд. Лифт стоял внизу. Вошла и нажала кнопку второго этажа; только потом оглянулась. Пока створки сходились, видела через стекло подъездной двери: Дмитрий стоял на улице, а Марина тянула его к своей машине. Он отмахнулся.

В квартире было тихо. Проверила: дети спят. Прошла на кухню и набрала стакан воды, другой рукой держась за край раковины. Ноги ныли после ожидания в машине. Пила маленькими глотками: если поспешить, опять затошнит. Хотелось просто посидеть и знать, что сейчас никто не потребует помочь ему дойти до кровати.

Стакан дрожал. Поставила его на стол и вспомнила, как Лариса вечером коснулась моего плеча: «Простите, Вера Сергеевна, немного задержалась». Я ей улыбнулась. Такому знакомому человеку — коллеге, почти другу семьи. Ещё спросила, не устала ли. Дмитрий стоял рядом, слушал. Никто из них не отвёл глаз. А я теперь сидела на собственной кухне и заново проверяла каждую секунду той встречи, словно могла найти минуту, в которую перестала быть для них женой и начальницей.

А потом вспомнила, как по дороге на корпоратив Дмитрий потянулся к бардачку. Я решила, что он ищет зарядку. Но достал он телефон и до самой парковки что-то печатал, прикрывая экран ладонью. Кому? Раньше я бы даже не спросила.

Лариса прекрасно знала, кто везёт его домой. Видела, что я пью воду, пока Дмитрий налегает на шампанское. Хотела, чтобы я учуяла? Или им обоим было уже настолько всё равно? Ответа не было. Я узнавала её духи и слышала, как муж зовёт её во сне. Этого хватало, чтобы больше не верить прежним объяснениям. Но обвинять в чём-то ещё пока было рано. До чего же ненавистное слово — «пока».

Посмотрела на стакан, который уже поставила. Боль никуда не делась. Но теперь хотя бы слышала, что происходит в квартире, а не только свой пульс. Позвонить ему, спросить про Ларису? Услышать, что я опять всё придумала?

Нет. Сначала проверю то, что он не сможет заговорить: документы.

В кармане снова подал голос телефон. Я подумала, Марина; наверное, не знает, куда теперь везти Дмитрия. Но пришло рабочее уведомление. Открыла его сразу. Ночью сервер присылал такое только при доступе к архиву, и эти сообщения я направила себе лично.

«Доступ к архиву клиентов получен пользователем D.Korolev. Время: 03:14».

Я посмотрела в окно. Там, внизу, под фонарем, Дмитрий все еще стоял, куря сигарету, сгорбившись. Дмитрий смотрел в телефон. Значит, он всё-таки пользовался своим аккаунтом. Или пароль уже был у кого-то ещё. Я открыла рабочую почту и подготовила для службы безопасности распоряжение сохранить журналы доступа и проверить его операции за последний год.

Служба безопасности увидит отправителя — меня. Если спросит Дмитрий, ему тоже скажут. Я дочитала распоряжение и отправила. Очень хотелось, чтобы завтра он об этом узнал. Пусть хотя бы раз объясняет не мне, почему полез в клиентский архив ночью.

Глава 2

Кофе остыл раньше, чем я успела его попробовать. Я сидела над чашкой и торговалась с собой: может, духи действительно остались после праздника? Люди там обнимались, фотографировались. Дмитрий пьян, что только не приснится. Хорошее объяснение, удобное. Только имя он произнёс совершенно ясно. Я смотрела на чайник и никак не могла решить, хочу ли услышать его голос. Телефон всё равно лежал рядом, под рукой.

В 7:15 набрала Дмитрия. Раньше он к этому времени либо работал, либо отвечал, что ещё спит. Прослушала несколько гудков и сообщение о недоступном абоненте. Можно было считать, что сел аккумулятор. Я и попробовала так считать, пока набирала снова.

Я положила трубку обратно. В груди теснило. Пришлось расстегнуть верхнюю пуговицу пижамы. Попробовала снова. То же самое. Отбой. Я ещё несколько секунд держала телефон у уха после отбоя.

— Мам, ты чего так рано встала? — голос Ани раздался за спиной, сонный и требовательный. Дочь вошла в кухню, натягивая пижаму, и сразу потянулась к кофемашине. — Папа где? У него сегодня созвон с клиентами из Сингапура, он сказал, что будет в семь.

Ане двадцать, юридический факультет, спорить она научилась прекрасно. Только с отцом это умение куда-то девалось. Сейчас дочь стояла у кофемашины и ждала, что я найду ему оправдание. Будто это тоже входило в мои утренние обязанности: кофе, завтрак, объяснение, куда делся папа.

— Не знаю, — ответила я, отвернувшись к своей чашке. — Возможно, опоздал на такси. Или телефон разрядился.

— Странно, — Аня пожалала плечами, наливая себе эспрессо. — Он никогда не опаздывает. Если только... ты опять не устроила ему сцену перед сном. Вера, ну правда, хватит давить на него своим статусом старшего партнёра. Он же человек, а не функция в твоей фирме.

Захотелось спросить, когда она успела обсудить со своим замечательным папой его пьяную ночь. Не спросила. Она бы услышала только раздражение и потом пересказала ему: мама снова злится. Я прикусила щёку изнутри и ответила про бюджет — единственное слово, которое могло прикрыть то, что случилось.

— Я ничего не устраивала, — сказала я сквозь зубы. — Мы просто обсуждали бюджет.

— Бюджет, — фыркнула Аня, доставая круассан из коробки. — Ты называешь унижение перед детьми «обсуждением бюджета». Ладно, я пойду к себе. Позвони ему ещё раз, ладно? Мне нужно скинуть файл по курсовой, а он в нём разбирается лучше тебя.

Аня ушла с круассаном, хлопнула дверью. Я слушала капающий кран. Тоже давно надо починить; какое нелепое утешение — найти неисправность, про которую точно знаешь, что делать. Телефон ещё лежал рядом. Если Дмитрий действительно недоступен, почему я боюсь открыть чат?

Я открыла мессенджер. Дмитрий был онлайн три минуты назад. Надпись под его именем обновилась у меня на глазах. Телефон работал. Дмитрий просто не брал трубку.

Начала печатать вопрос, где он. Стерла. Вместо этого написала про документы — получится хотя бы разговор по работе, если он вообще ответит:

«Дмитрий, заberi документы из кабинета до обеда. Дети будут дома после двух. Не хочу скандала».

Сообщение ушло. Пометка о прочтении появилась почти сразу. Значит, держит телефон, видит, что я пишу. Я подождала — наверняка печатает ответ. Экран оставался прежним.

Минут через десять ещё раз проверила чат. Потом ещё раз. Наконец встала и пошла по коридору. Потрогала входную дверь, проверила, закрыт ли замок. Я понимала: у Дмитрия ключи, бессмысленно. Но хотелось хотя бы знать, когда он войдёт, а не вздрагивать от любого

шороха. После ночной ссоры даже собственная квартира оказалась местом, где приходится прислушиваться.

Выглянула в окно. Его машина стояла во дворе. Чёрный седан, поблёскивающий под утренним солнцем. В салоне никого не было. Значит, мог уже вернуться. Проверить кабинет мне не пришло в голову: хотелось верить, что хотя бы сегодня он оставит меня в покое.

Я положила телефон. Если он дома, разговаривать придётся через дверь, а не через мессенджер.

Я прошла по коридору к кабинету. Дверь была закрыта. Я постучала. Один раз. Два раза. Громко.

— Дима!

Из-за двери донёсся шорох бумаги, затем щелчок выключателя света. Пауза. И наконец, скрип петель.

Дмитрий стоял в проёме. Вернулся, пока я сидела на кухне; теперь было понятно, отчего в коридоре скрипнули половицы. Он был в домашней футболке. Волосы растрёпаны, а лицо такое спокойное, будто мы давно обо всём договорились. Я выждала: хоть что-нибудь про ночь скажет? Не сказал.

— Что тебе нужно? — спросил он тихо.

— Документы, — сказала я, стараясь говорить уверенно, хотя руки дрожали. — Те, что касаются проекта «Вектор». Клиенты ждут уточнений. Ты не отвечаешь на звонки, дети спрашивают. Почему ты играешь в молчанку?

Он посмотрел на меня сверху вниз, даже не шагнув навстречу.

— Я не играю. Я работаю.

— Над чем? Если над проектом, почему ты не в офисе? Почему твой телефон недоступен?

Дмитрий усмехнулся. Криво, зло.

— Вопросы финансов и юридических аспектов нашего развода решаются через юристов, Вера. Не через твои истеричные SMS. Иди в свой офис, занимайся своими амбициями. Меня здесь больше нет.

— Ты здесь, — прошипела я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Твоя машина во дворе. Ты здесь, и ты прячешься, как трус!

— Трусы не выигрывают дела, которые ты ведёшь годами, — он спокойно ответил на мой крик, оставаясь в тени кабинета. — Закрой дверь, пожалуйста. У меня звонок.

И он захлопнул дверь перед моим носом. Я дёрнула ручку: запер.

Осталась перед запертой дверью. Вот теперь могла колотить по ней, кричать, требовать выйти — прекрасное подтверждение его слов про истерику. Из кабинета донёсся обычный рабочий голос. Муж уже говорил с кем-то другим, спокойно и любезно. Мешала только я. От этого спокойствия хотелось плакать сильнее, чем от крика.

Я знаю, как разговаривать с клиентом, который орёт из-за сроков. С мужем, запершимся в кабинете, не знаю. Сначала хочется расплакаться, потом ударить по двери. Оба варианта ему подходят. Выбрала третий: уйти работать, пока ещё могу собраться и не оправдываться за своё лицо.

Выскочила с сумкой и ключами. На солнце пришлось зажмуриться, поэтому адрес в приложении набрала со второй попытки. Такси показало пятнадцать минут ожидания. В обычное утро я бы выругалась и пошла пешком до дороги. Сегодня осталась у стены дома: несколько минут, в которые ничего не нужно говорить.

Я прислонилась к холодной стене дома, пытаюсь успокоиться. Но тишина продлилась недолго.

Надо мной открылась балконная дверь. Подняла глаза — Дмитрий. Телефон у уха, улыбается. Даже успела порадоваться этой знакомой улыбке раньше, чем сообразила, кому она.

Сколько раз смотрела на него так снизу, когда забывала ключи или махала из двора. Сегодня он ждал другого зрителя.

— Да, детка, — донёлся до меня его голос, усиленный утренней тишиной и акустикой двора. Он говорил громко, нарочито, зная, что я внизу. Зная, что я слышу каждое слово. — Я уже соскучился. Безумно. Нет, сегодня вечером не могу, у меня тут... уборка. Знаешь, жена пытается навести порядок. Скучно, правда? Лучше я буду думать о тебе. О том, как пахнет твоими духами... теми самыми, сладковатыми.

Я подняла голову. Духи он тоже упомянул. Теперь мог бы не называть её имени — и без того понятно.

— Да, я тоже жду не дождусь, — продолжал он, смеясь чему-то, что сказал собеседник на другом конце провода. — Лариса, ты моя героиня.

Он произнёс «Лариса» нарочно громко. После этого уже незачем было гадать про духи. Та самая младшая коллега, с которой он так уставал над новым проектом. Я вдруг вспомнила, как приносила ему ужин в кабинет, чтобы не отрывать от работы. Ужин он съел. И меня даже благодарил.

Прикусила щёку и почувствовала кровь. Так хотелось шагнуть обратно в подъезд, подняться и вырвать у него телефон. Но водитель должен был приехать с минуты на минуту; я стояла у дороги и слушала признания мужа другой женщине. В нашем доме, на нашем балконе. Он знал, где я стою. Его голос от этого становился только веселее.

Приехало такси. Я села внутрь, хлопнув дверью так, что водитель вздрогнул.

— Адрес? — спросил он, глядя в зеркало заднего вида.

— Офис, «Москва-Сити», башня «Федерация», — произнесла я хрипло.

Пока машина ехала, я смотрела в окно, наблюдая, как удаляется наш дом. На прощание я подняла глаза к балкону. Дмитрий даже не отнял телефон от уха.

Глава 3

В офисе кто-то спорил по телефону, принтер зажевал бумагу, за стеклянной перегородкой обсуждали отчёт. Всё как обычно. Даже захотелось задержаться у чужого стола, вмешаться в какой-нибудь рабочий разговор. Там достаточно было знать цифры, чтобы не оказаться лишней. Секретарь подняла глаза, и я пошла дальше: хватит с меня сегодня людей, которые смотрят и молчат.

Я прошла к своему кабинету, здороваясь с секретаршей. Она посмотрела на меня странным взглядом, будто хотела что-то сказать, но промолчала.

Закрывшись в кабинете, я включила компьютер. Рабочий стол завалился уведомлениями. Но первым бросилось в глаза письмо, пришедшее пять минут назад. Отправитель: HR-отдел компании Дмитрия (мы делили один бизнес-центр). Тема: «Поздравляем!»

Я открыла его. Текст был сухим и официальным:

«Коллеги, рады сообщить, что Дмитрий Королёв назначен директором нового стратегического направления "Глобал". В честь этого события состоится закрытый ужин в ресторане "Вершина" в пятницу. Приглашение распространяется на топ-менеджмент и ключевых сотрудников отдела Дмитрия. Просьба подтвердить участие».

Под письмом открылась фотография. Дмитрий в дорогом костюме, шампанское; Лариса рядом смеётся. Он смотрел только на неё. Я увеличила снимок — зря, конечно, но всё равно увеличила. Когда-то мне нравилось, как он улыбается так, чуть прищурившись. Думала, что это только для меня. Теперь фотографию отправили коллегам вместе с объявлением о назначении.

Внизу подписано: «Счастливым этап жизни».

Я получила рассылку как партнер соседней компании. Но в приглашении были перечислены только его сотрудники и топ-менеджмент. Моего имени не было. На фотографии Лариса держала его под руку, и никто в отделе кадров не счёл нужным хотя бы обрезать снимок.

Ещё недавно мы вместе выбирали ему костюм для таких фотографий. Теперь на официальном снимке рядом с ним стояла другая, а мне прислали ссылку подтвердить участие.

Нажала «Удалить». Словно можно было убрать фотографию и вернуть себе этот день. Попыталась открыть таблицу по текущему проекту, дважды ввела не ту цифру. Потом нашла ошибку и ещё минуту смотрела на ячейку: смешно, я умела держать в голове сложный расчёт, а сейчас не могла сложить две суммы. На экране всплывало то Анино лицо, то улыбка Ларисы. Пришлось начинать заново.

За день ответила на все рабочие звонки. После каждого нужно было проверять, что записала: имя клиента, срок, сумму. Боялась перепутать из-за того, что всё время слушаю совсем другой разговор — с балкона. Никто не спросил, почему я говорю так коротко. Это было удобно и почему-то обидно.

Дома никого не оказалось. Аня уехала к подруге, Кирилл на тренировку. Я сняла пальто и несколько секунд ждала звука из кабинета. После утренней двери тишина сама по себе ещё ничего не обещала. Но дверь теперь была приоткрыта. Захотелось пройти мимо, сохранить хотя бы остаток вечера. Всё-таки потянулась к двери.

Я прошла в кабинет. Дверь была приоткрыта. Раньше она всегда была заперта на замок. Сердце ёкнуло. Я толкнула дверь плечом.

Ящики вытащены, шкаф открыт, на полу папки. Дмитрий устроил такую выгрузку, что я не сразу поняла, к чему подойти. А потом увидела дверцу своего сейфа. Открыта. Здесь лежали оригиналы договоров и ключи доступа — бумаги, которые домой приносила сама. Наклонилась, заглянула внутрь. Даже знакомой обложки не осталось.

Я подошла ближе. Внутри не было ни одного документа. Ни чековой книжки. Ни папки с копиями паспортов. Всё исчезло.

Сверху на разбросанных листах была записка. Он оставил её так, чтобы я прочитала прежде, чем начну собирать. Почерк знакомый до отвращения: теми же буквами подписывал поздравления детям. На этот раз писал мне.

«Не лезь туда, куда тебя не просили. Ты больше не хозяйка этого дома. И не хозяйка этих файлов. Игра началась.»

Читала, пока не смогла отнять взгляд. Про дом я уже слышала утром. Про файлы — впервые. Он разозлился и хлопнул дверью, а заодно забрал то, что позволило бы продолжить разговор без него. Я сжала край записки, потом разжала. Её тоже нужно сохранить.

Документы забрал он. У Дмитрия был ключ; весь день он оставался дома. Ночное уведомление о клиентском архиве вдруг вспомнилось с такой ясностью, будто телефон только что подал сигнал. Он пользовался тем, что я ушла работать. Пока я отвечала клиентам и пыталась не думать о его фотографии, муж открывал мой сейф. Окажется, я ещё и помогла ему, оставив всё на прежних местах.

После ночного уведомления я проверяла электронные доступы. О бумажных оригиналах не подумала. Пришлось опереться на стол: вот моя ошибка, и он уже ей воспользовался.

Села на пол между папками. Одна раскрытая обложка упёрлась в бедро, под джинсами быстро стало холодно. Хотелось подняться и перестать выглядеть так, будто меня уже победили. Но перед глазами оставался пустой сейф. Я не знала даже, что из пропавшего он собирается использовать первым. Тогда взяла ближайший лист: начну со списка. Хотя бы его можно сделать самой.

Со злостью было проще: можно хотя бы набрать номер и объяснить, что пропало.

Я достала телефон. Руки больше не дрожали. Пальцы уверенно набрали номер, который я не набирала пять лет. Номер Артёма. Независимого аудитора, моего старого университетского друга, человека, который видел насквозь любые манипуляции и не терпел фальши.

Трубку взяли быстро.

— Аллю?

Узнала голос Артёма. Вроде обычное «алло», а я вдруг смогла назвать то, что произошло. Не выяснять, любят ли меня ещё, не спорить, где Дмитрий ночевал. Назвать пропавшие вещи. С этим он хотя бы умеет работать.

— Артём? — спросила я. Голос звучал чужим, но твердым. — Мне нужен аудит. Срочно. Полный. Бизнеса и личных активов.

Он помолчал. Наверное, прикидывал, какие документы я могу дать ему для проверки.

— Вера? — переспросил он. В его голосе мелькнуло что-то похожее на тревогу. — Что случилось?

Я посмотрела на пустой сейф. На записку, которая теперь казалась не угрозой, а вызовом.

— Меня обокрали, — сказала я. — И я собираюсь вернуть всё до последнего цента. Плюс проценты.

— Скинь фото сейфа и список пропавшего, — коротко ответил Артём. — Начну с этого.

— Ты возмёмшься? — спросила я.

— Возьмусь. Вера, если ты звонишь мне в десять вечера после пяти лет молчания и говоришь про аудит, значит, дело пахнет жареным. И я люблю жареное.

Я усмехнулась. Первая усмешка за весь день. Горькая, но настоящая.

— Сейчас отправлю, — сказала я. — Будем считать потери.

На следующее утро Дмитрий спокойно пил кофе на нашей кухне. После пустого сейфа и ночного звонка Артёму я плохо спала, а у него рубашка выглажена, чашка полна. В телефон он уткнулся сразу, как я вошла. Приготовился пропускать мои слова мимо ушей. Я слишком хорошо знала эту позу: потом скажет, что не слышал, а если повторю — что скандалю.

— Ты говорил, что командировка отменилась из-за простуды, — мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Я держалась за край стола; так было легче не повысить голос.

Дмитрий даже не поднял глаз. Он листал экран, пока я пыталась договорить.

— Вера, ты всегда преувеличиваешь, — бросил он. Слово «всегда» выделил так, что дальше уже можно было не слушать. — У меня температура тридцать семь. Это не «отмена», это просто день, когда я не могу ехать в аэропорт. Перестань строить теории заговора из пустяков.

От этого будничного тона тошнило: ещё вчера требовал оставить его в покое, сегодня просит считать больным. Тридцать семь градусов. Из-за такой температуры отменить поездку можно, но накануне он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы кричать с балкона о любви.

Долго разглядывала его рубашку. Сама обычно проверяла, хорошо ли прогладился воротник. Сегодня заметила, что он совершенно сухой, а Дмитрий вполне бодро листает ленту. Простуду доказать или опровергнуть я не могла. Но больше не собиралась автоматически соглашаться со всем, что он мне говорит. Пятнадцать лет считала такую уступку любовью. Теперь не хотела спорить о градуснике. Пусть услышит короткий ответ и гадает, поверила ли я.

— Хорошо, — сказала я. — Выздоровливай.

Пошла в комнату Ани за семейным альбомом. Сначала хотелось просто убедиться, что хоть эта вещь ещё на месте. Потом придумала объяснение про проект, чтобы дочь сразу не закрылась от разговора. Глупо, наверное. Но после утреннего кофе и вчерашнего сейфа я уже боялась спрашивать прямо.

Аня лежала на кровати с наушниками, отвернувшись к стене. Ей было двадцать, она училась на юридическом, и последние полгода смотрела на меня так, словно я была источником всех её бед.

— Ань, можно взять наш старый семейный альбом? Для одного проекта, — я стояла в дверях, чувствуя себя просительницей в собственном доме.

Дочь медленно повернула голову. Аня помедлила, прежде чем снять наушник. Она сняла один наушник.

— Папа сказал, что трогать его вещи без спроса нельзя. Даже архивные файлы.

Его вещи. Альбом, на который я клеила фотографии, вдруг тоже оказался папиным. Посмотрела на полку: отсюда до неё два шага, а меня уже не пускают.

— Аня, это наши воспоминания. Там есть фото твоего первого дня в школе...

— Тебе мало того, что ты контролируешь всё вокруг? Бизнес, дом, деньги? — перебила она резко, садясь. — Ты пытаешься контролировать нас всех, мама. Параноик. Папа говорит, что тебе нужно к психологу, потому что ты видишь измену там, где её нет.

В нашей семье «папа говорит» уже заменяло объяснение. Аня даже не смотрела на альбом, который я собирала: покупала уголки, выбирала снимки, подписывала на обороте даты. Теперь он папин, и я должна просить разрешения. Дочь вставила наушник обратно. Наверное, рассчитывала, что я уйду. Что ж, пришлось оправдать ещё одно её ожидание.

Вернулась на кухню. Аня так и не сняла второй наушник, когда я ушла. Хотелось заглянуть к ней ещё раз и объяснить, что я тоже её родитель. Но объяснение осталось бы снаружи вместе со мной. Лучше до вечера заняться тем, на что могу повлиять.

Глава 4

Вечером Дмитрий ушёл в душ. Шум воды заглушал всё остальное. Я зашла в кабинет, который мы делили годами. Его рабочий ноутбук лежал на столе, раскрытый, но заблокированный экраном входа. Раньше пароля не было. Или был тот самый, общий, «123456», который я помнила наизусть.

Я набрала свой старый пароль. Ошибка.

Набрала дату нашего знакомства. Ошибка.

Набрала имя дочери. Ошибка.

После третьей ошибки остановилась. Он действительно сменил пароль; смешно было надеяться, что там осталось имя дочери или наша дата. Мы годы держали рабочие файлы на одном столе. Теперь даже экран от меня закрыт. Я отвела пальцы от клавиш и только тогда услышала, что вода в ванной перестала шуметь.

Дверь ванной распахнулась раньше, чем я успела сделать четвёртую попытку. Влажный пар вырвался наружу, и Дмитрий вышел оттуда, завернутый в полотенце, с красными от пара щеками.

Он застыл в дверях, увидев меня у клавиатуры. Сначала посмотрел на экран, потом на мои руки. Ни про пароль, ни про документы я ещё не сказала ни слова, а Дмитрий уже шагнул к столу. Так быстро, что мне пришлось отодвинуть кресло.

— Что ты делаешь? — его голос сорвался на крик.

Он метнулся к столу быстрее, чем я успела моргнуть. Хватка его пальцев на корпусе ноутбука была жесткой, почти ломая пластик. Он захлопнул ноутбук и выдернул его из-под моих рук. Краем корпуса толкнул меня в плечо; я откинулась на спинку кресла.

— Ты рылась в моем телефоне? В компьютере? — он дышал тяжело, грудь ходила ходунком. — Ты воровка! Истеричка! Я вызову полицию! Нарушение приватности, незаконный доступ к персональным данным!

— Я твоя жена, — прошептала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу от унижения.

— Была бы женой, если бы не превращала нашу жизнь в тюрьму! — рявкнул он. — Вон из кабинета! Немедленно!

Я вышла, придерживая плечо. За моей спиной он повернул ключ. Даже закрыть дверь спокойно не смог.

Утром пришлось ещё и работать. Голова болела, плечо после вчерашнего ныло, но клиенты ждали цифры, а не мои семейные новости. В списке встреч значилась Лариса. Отменять я не стала. Хотела посмотреть, как она будет обсуждать со мной проект после всего, что я уже услышала от Дмитрия.

Лариса уже разложила бумаги в переговорной пятого этажа. Я задержалась у двери, прежде чем сесть: увидела её улыбку и вспомнила планшет на фуршете. Она предложила обсудить «Гринвуд», совершенно спокойно. Я тоже достала ручку. Отменять договор только потому, что его держит эта женщина, не собиралась.

— Вера Сергеевна, рада видеть. Контракт с «Гринвудом» требует уточнений, — начала она деловито.

Следила за её ручкой, не успевая записывать проценты. Лариса постукивала ручкой по столу — точь-в-точь как Дмитрий, когда ему возражали. Я поймала себя на том, что перестала слушать её расчёт процентов.

В какой-то момент Лариса потянулась за стаканом воды и случайно толкнула свой личный смартфон, лежавший рядом с документами. Телефон соскользнул со стола и упал экраном вверх прямо к моим ногам.

Экран светился уведомлением.

Дима: Скучаю по твоему запаху.

Время сообщения: 08:45 утра. Дмитрий всё ещё ссылался на температуру, когда я спросила, почему он не едет в офис.

Я прочла сообщение прежде, чем Лариса успела наклониться. «Скучаю». Слово, которое он давно не говорил мне.

Я тоже наклонилась за телефоном. Нужно было хотя бы запомнить отправителя и время.

Лариса подхватила телефон раньше, чем я успела коснуться края корпуса. Выпрямилась, посмотрела на меня и улыбнулась. Мы обе прочли одну строчку. Только ей незачем было делать вид, что не прочла: конференц-зал, рабочие бумаги, люди за стеклом. Попробуй сейчас потребовать показать переписку — и сразу получишь объяснение, кто здесь нервная жена.

— Аккуратнее, Вера Сергеевна, — произнесла она мягко, пряча телефон в карман пиджака. — Нервы ни к чему. Мы же коллеги.

Телефон исчез в кармане пиджака. У меня не было ни снимка, ни возможности ещё раз увидеть имя отправителя. Только злость и совершенно ясное «Скучаю» в памяти. Я опустила руку на стол и вернулась к процентам. Ларисе понравилось, что мне пришлось это сделать. Ещё бы: она сказала «мы же коллеги» так, словно выдала мне разрешение продолжить работать.

Вечером я вернулась домой. Тишина в квартире давила на уши. На кухонном столе лежала записка. Рядом — пустой крючок: Дмитрий забрал свою связку ключей. Почерк Дмитрия, неровный, торопливый.

«Я больше не могу жить в тени твоего успеха. Поживу отдельно. Не ищи меня.»

Я ещё не знала, какие активы он успел вывести. Только сейф был пуст, а записка обещала, что я должна перестать искать и его тоже. Удобно он делил обязанности: моё имущество взять можно, задавать вопросы нельзя. Я перечитала короткое «не ищи» и пошла к плите.

Я взяла записку. Поднесла к конфорке газовой плиты. Огонь лизнул бумагу, и буквы почернели, свернулись в пепел. Я смотрела, как горят его слова, и плакала не от горя, а от ярости. Я провела мокрой ладонью по щеке. Сколько ещё собираться на работу из этой кухни, слушая его угрозы? Сегодня ночью у сестры. Но не с пустыми руками. Я заберу всё, что он пытался украсть. И добавлю сверху.

В списке вызовов уже был Артём. Вчера звонила из-за пустого сейфа, сегодня опять. Неприятно, что после пяти лет молчания у меня для него сразу столько чужой грязи. Но он просил прислать документы, и я прислала. Нужно узнать, видел ли их.

Звонок шел долго. Гудки. Потом щелчок.

— Вера? — его голос был низким, хрипловатым от сна или усталости.

— Артём, ты посмотрел то, что я отправила? Нужно встретиться. Появились новые детали.

Я ждала, что ответит на вторую просьбу о встрече.

— Сейф я видел. Но ты сейчас опять говоришь о Ларисе, Вера. Я могу проверить финансы. Собирать доказательства супружеской измены не возьмусь.

Сразу захотелось положить трубку. Но я ведь и звонила ему из-за пропавших договоров. Значит, о них и надо говорить.

Я сменила тактику. Выпрямилась на стуле, хотя он этого не видел.

— Речь не о чувствах, Артём. Речь о цифрах. В бизнесе Дмитрия появились странные транзакции. Фиктивные фирмы. Отмывание через консалтинг. Есть подозрение, что он использует нашу компанию для вывода моих активов.

Артём перестал возражать. Я услышала в трубке, как что-то положил на стол, и дождалась вопроса. Вот теперь говорим о том, ради чего я ему звоню. Мою боль он может не обсуждать, но суммы от этого перестать существовать не могут.

— Какие транзакции? — спросил он сухо.

— Детали по телефону не скажешь. Нужен аудит личных финансов и корпоративных потоков. Полный. Независимый.

— Ты понимаешь, о чем просишь? — он заговорил тише; пришлось прижать телефон к уху. — Это война, Вера. Если я войду в это дело, я стану твоим оружием. И мишенью.

— Я знаю, — ответила я. — Именно поэтому я звоню тебе.

Встреча состоялась в нейтральном месте — маленьком кафе с плохим Wi-Fi и хорошей звукоизоляцией. Артём выглядел старше своих тридцати восьми. Постарел, что ли. Раньше чаще улыбался. Теперь, ещё до папки, проверил, кто сидит за соседними столами. Он поднялся мне навстречу, но говорить начал, только когда я положила папку на стол.

— Полная открытость, — сказал он, открывая крышку ноутбука. — Мне нужны и неприятные выписки. Если скроешь то, что они уже знают, я не смогу подготовить тебя к их обвинениям.

Придерживала папку ладонью. Отдать выписки человеку, с которым не общалась пять лет, оказалось труднее, чем хотелось показать. Там были мои деньги, ошибки, решения, которые обсуждали только мы с Дмитрием. Он уже воспользовался тем, что знал слишком много. Почему я должна немедленно поверить другому? Но папку сюда принесла сама. Значит, придётся хотя бы дать ему дочитать.

Артём увидел, как я придерживаю выписки. Он развернул экран ноутбука ко мне. На нем была схема. Цепочка компаний, связанных между собой общими директорами и адресами регистрации. Все они вели к одному источнику финансирования.

— Такие, как твой Дмитрий, выводят активы через фиктивные фирмы, оформленные на дальних родственников любовниц, — монотонно объяснял он, тыкая пальцем в схему. — Он не просто гуляет, Вера. Он заранее оформлял фирмы для переводов. Ты занималась клиентами, а документы оставляла на подпись ему. Посмотри на эти даты: всё началось раньше вашей ссоры.

Я искала на схеме знакомые имена. Их оказалось слишком много, чтобы всё началось после нашей ссоры. Пока я списывала его жалобы на обиду, он уже связывал между собой фирмы. Одну фамилию я переписала отдельно. Хотела ещё раз проверить, что увидела её правильно.

Артём закрыл ноутбук. Свет в кафе начал меркнуть, вечерняя смена включила энергосберегающий режим. Мы остались в полумраке, освещенные лишь бликами экрана телефона Артёма.

— Кто-то оформлял эти проводки внутри твоей бухгалтерии, — тихо добавил он, глядя мне прямо в глаза. — Есть подозрение. Имя назову, когда проверю.

Я всё ещё злилась, только теперь могла слушать расчёты. Артём не обещал, что я завтра получу всё назад, не называл меня бедной женщиной. Попросил ещё одну выписку. Я вынула её сама, разгладила угол и положила поверх первой. Так выглядела помощь, которую сегодня могла принять, — без жалости и без утешительного вранья.

Я придвинула к нему папку. Теперь скрывать выписки было опаснее, чем показать.

Глава 5

Дождь забирался за воротник. Я припарковалась и посидела минуту, прежде чем вылезти: после двенадцати часов в офисе ещё предстояло войти домой. Забрать документы, ноутбук — и к сестре. Я заранее повторила это себе. Если Дмитрий снова заговорит об ипотеке и детях, не буду отвечать. Не сегодня. Нужно просто вынести вещи.

Я подошла к входной двери, доставая связку ключей. Серебряный, с гравировкой «В.С.» — Дмитрий заказал её к одной из наших годовщин. Поднялась на второй этаж, вставила ключ в замочную скважину. Он не вошёл до упора. Повернуть тоже не получилось.

Ключ упирался. Я попробовала ещё раз, сильнее, потом поднесла связку к свету, проверила, не перепутала ли. Нет, тот самый. А замочная скважина другая. Под пальцами была новая накладка, гладкая, без знакомой царапины. Пока я сидела на встрече и считала чужие убытки, Дмитрий заказал мастера и сделал так, чтобы я не смогла даже открыть собственную дверь.

— Простите! — окликнула я консьержа, поднявшегося следом со связкой служебных ключей. Мужчина отвёл глаза и принялся перебирать ключи.

— Вера Сергеевна... тут такое дело. Дмитрий Аркадьевич попросил помочь. Сказал, для безопасности детей. Я же не знал, что это... конфликт. Он так уверенно говорил, что вы сами попросили его закрыть дом на ремонт.

Уверенно. Лживо. Меня он видел каждый день. Но позвонить и спросить, действительно ли я попросила сменить замок, не подумал. Уткнулся взглядом в свои ключи, будто можно было сделать вид, что я сейчас уйду.

Набрала Дмитрия. Он заставил выслушать несколько гудков, потом ответил тем спокойным голосом, которым обычно приглашал клиентов:

— Вера? Ты же знаешь, я ценю личное пространство. Пока мы решаем вопросы имущественного раздела, тебе лучше не создавать стресс детям своим присутствием. А твои вещи... они уже упакованы. Я позаботился о том, чтобы тебе было удобно забрать их позже. Не звони мне больше, дорогая. У нас тут семейная идиллия.

Он отключился после «семейной идиллии». Я ещё держала телефон у уха: хотела спросить, когда успел вернуться, зачем собрал вещи, что сказал детям. Бессмысленно. Все ответы я уже услышала, просто он придал им такую заботливую форму, будто мешки и новый замок были одолжением лично мне.

Консьерж указал на нишу. Три чёрных мешка возле моих цветов. Я подошла и посмотрела внутрь первого: одежда, косметика, книги вперемешку. Даже не в коробки. Так обычно выносят то, что не хочется сортировать. Рядом поставил документы — пожалуйста, Вера, забери, я позаботился. Мне понадобилась минута, чтобы нагнуться и взять край мешка, а не вернуться к двери.

Квартирная дверь приоткрылась на цепочку. В щели показалось лицо Ани.

— Мама? — спросила она холодно, не снимая цепочки.

— Аня, открой дверь или хотя бы скажи, где мои вещи. Папа выставил меня как бомжа.

— Папа сказал, что ты истеришь и хочешь всё сломать. Не трогай наши вещи, мама. Мы тут живём нормально. Закрой свой рот и уходи.

Дверь захлопнулась. Дети выбрали деньги и спокойствие отца. Консьерж поспешил вниз. Я осталась на площадке рядом с мешками.

Мне хотелось ударить кулаком в дверь. Там оставались дети, моя мебель, нормальная жизнь ещё несколько дней назад. Но в лестничном стекле увидела мокрые волосы, кривой рот — лицо, которое Дмитрий потом с удовольствием опишет как доказательство моего безумия. Я убрала руку от двери. Он рассчитывал получить ещё и это. Сегодня обойдётся.

Первый мешок удалось спустить к подъезду. Потянула его к машине за шлагбаумом — пластик лопнул с сухим треском. Блузки, туфли, стопка папок рассыпались по мокрому асфальту. Я рухнула на колени, пытаюсь собрать хлам, и почувствовала, как по щеке потекла горячая слеза стыда.

Артём подъехал, как договаривались. Посмотрел на бумаги в луже, потом присел помогать. Я пыталась собрать блузки, он вынес с площадки остальные мешки и уложил в багажник. Флешку заметил под курткой: поднял, показал. Я как раз об этой маленькой рабочей копии не вспомнила, пока перечисляла, что украли из сейфа. Почти оставила её на мокром асфальте.

Он повертел её в пальцах, усмехнувшись уголками губ.

— Что на ней? — спросил он.

— Рабочие копии. Старые выгрузки с сервера.

— Тогда сначала высушим. Если читается, сравним с тем, что есть у бухгалтерии. Хорошо, что подобрали.

Артём положил руку мне на плечо. Тепло его ладони обожгло через промокшую ткань куртки.

— Садись, Вера. Документы у нас. Вещи тоже. Сейчас отвезу тебя к сестре, а замком займутся юристы. Твою машину вернём завтра.

Я оглянулась на второй этаж. Аня за шторой смотрела, как он закрывает багажник. На этот раз я первая отвела глаза.

В банке двери открылись сами, а дальше никуда идти без разрешения не получалось. За стойкой гудел принтер, администратор перекладывала свежие листы. Я пришла к открытию, поправила пальто и посмотрела на коридор к VIP-сектору. Нужно было попасть к директору до совещаний. Он знал меня давно; я всё ещё надеялась обойтись разговором, а не требованием на бланке адвоката.

Соглашение, перевод моей доли, отдельный счёт. Вечером я даже записала эти три пункта, чтобы не отвлекаться на ссору. Развод старшего партнёра клиентам совершенно ни к чему; им важны договоры, а не кто с кем теперь спит. Аудит уже шёл, прекращать его я не собиралась. Но хотя бы деньги хотела отделить по-хорошему. Признаться себе, что это очередная попытка договориться с Дмитрием, было неприятно.

— Добрый день. Мне нужно попасть в VIP-сектор, к директору филиала, Виктору Степановичу, — сказала я администратору за стойкой. Голос ровный, деловой.

Девушка в очках даже не подняла глаз от монитора.

— Записи нет, — процедила она сквозь зубы. — И пропускной режим ужесточён. Без письменного поручения владельца или личного присутствия клиента вход запрещён. Это новое правило безопасности. Действует с сегодняшнего утра.

Именно сегодня ужесточили режим. Я посмотрела на дверь, в которую ходила без всяких поручений, и обратно на девушку. Ей бы сказали «Вера Соколова», она бы проверила журнал и пропустила. Сейчас даже пальцы от клавиатуры не отняла. Кто-то позаботился обо мне раньше.

— Вы понимаете, кто я? — спросила я тише, давая ей время найти фамилию в журнале. — Вера Соколова. Старший партнёр «Стратегия & Рост». Виктор Степанович знает меня лично. Мы обедали вместе вчера. Позвоните ему. Сейчас.

Девушка наконец подняла глаза. Телефон придвинула, но звонить не стала. Охранник подошёл раньше. Его ладонь легла на мою сумку — вроде бы вежливо, только пройти вперёд уже не давала. Я посмотрела на эту ладонь, потом на него. Обычно мне не приходилось объяснять здесь, что я тоже клиент.

— Леди, не создавайте проблем. Проходите в общий зал или покиньте помещение.

В общий зал я не пошла. Достала мобильный и нашла прямой номер Виктора. Три года назад он дал его со словами «любое затруднение — сразу ко мне». Проверим, сколько стоит «любое», если затруднение касается не новой услуги, а моего мужа.

Гудки. Один. Два. Три. На четвёртом ответили.

— Слушаю, — голос Виктора был сухим, без той теплоты, с которой он обычно здоровался со мной.

— Виктор, это Вера. Я у вас в отделении. Администратор отказывает мне в доступе. Ужесточённые регламенты? Серьёзно?

Пауза. Тяжёлая, липкая пауза, в которой слышалось только моё собственное дыхание.

— Вера Сергеевна... Дмитрий уже передал нам все документы. Он оспорил операции по совместным счетам. До проверки документов мы их приостановили. Встреча ничего не изменит. Извините.

Нажала отбой. Что-то объяснять директору, который заранее принял документы Дмитрия, уже не хотелось. Я стояла у стойки со своим телефоном, сумкой и напрасно приготовленным соглашением. Охранник никуда не отошёл. Теперь ясно, зачем его позвали: не помогать.

Сначала до меня добрался запах духов. Снова тот, из машины: сладкий, навязчивый. Так хотелось хотя бы здесь заняться выписками, без Ларисы. Но дверь директора приоткрылась, и стало понятно, что заняться ими она успела первой.

Из кабинета директора вышла Лариса. Серый пиджак плотно сидел по фигуре, волосы убраны. Остановилась у двери; посмотрела сначала на охранника, потом на меня. Даже удивляться моему присутствию толком не стала.

Она улыбнулась. Взгляд задержался на моём телефоне: наверное, поняла, что директор отказал мне лично.

— Ой, Вера Сергеевна? — её голос звенел, разносясь по тихому холлу. Клиент возле стойки повернулся. Лариса заметила это и заговорила громче. — Вы всё ещё пытаетесь договориться? Как мило. Но время вежливости прошло.

Сразу ответить не смогла. Не хотелось, чтобы все в холле услышали, что именно я думаю о её вежливости.

Лариса подошла так близко, что край её пиджака коснулся моей сумки. Я шагнула в сторону, но Лариса шагнула следом: ей хотелось говорить перед всем холлом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.